

Георгий Хлыпенко

кандидат филологических наук

Алла Нарозя

кандидат филологических наук

г. Бишкек

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ - КРИТИК

В творческом наследии Ч. Айтматова значительное место занимает литературная критика, которая была постоянной спутницей его писательской работы. Однако ни сам писатель, ни издатели не выделяли её в самостоятельную область творчества, а включали в состав публицистики как родовой разновидности литературной деятельности. Это вполне объяснимо и правомерно: во-первых, публицистика, будучи родом, видом литературы и журналистики, анализирует современную жизнь в многообразии политических, экономических, правовых, в том числе и художественных, литературных проблем; во-вторых, литературно-критическая деятельность имеет научно-публицистическую природу, ибо критика, этот «целеустремлённый, напряжённый мозг искусства» (А.Н. Толстой), представляет собой форму самосознания литературы в обществе и общества в литературе.

Вот почему Ч. Айтматов параллельно с художественными произведениями – рассказами, повестями, романами – издавал сборники публицистических произведений, куда входили статьи, эссе, выступления, интервью: «В соавторстве с землёю и водою...» (1978), «Статьи, выступления, диалоги, интервью» (1988), «Реквием улетающей стаи» (2003) и другие, – а в собрания сочинений писателя включались по одному-два тома публицистики. В 8-томном Полном собрании сочинений Ч. Айтматова (2008) публицистике отведено два последних тома: т. VII – Диалоги; т. VIII – Статьи, эссе, выступления. И самым примечательным фактом является бесспорная принадлежность большинства публицистических произведений к литературно-критическим произведениям, т.е. к писательской критике.

Писательская критика – научный термин, соотносимый с термином профессиональная критика. Её отличительные признаки сводятся к следующим положениям:

1. Критические выступления писателей носят, как правило, оценочный характер.
2. Писатели-критики далеко не всегда подкрепляют свои суждения системой доказательств.
3. Писательская критика более субъективна, нежели объективна.
4. В писательской критике преобладает образное начало.
5. Писательская критика, выражая общее целостное впечатление, создаёт образ произведения.
6. В писательской критике наличествуют специфические разновидности: автокритика (критика собственных произведений) и антикритика (полемика по поводу критических суждений о своих произведениях).

Тем не менее и писатель-критик, и критик-профессионал обязаны руководствоваться научным определением критики, которое гласит: литературная критика – это вид литературного творчества, оценка и истолкование художественного произведения, а также явленной жизни, в нём отражённых.

Теперь уместно будет сказать, что у писателя Чингиза Айтматова, оказывается, хорошая литературно-критическая подготовка, полученная на Высших литературных курсах в Москве, на должностях редактора республиканского журнала «Литературный Киргизстан», а затем главного редактора союзного журнала «Иностранная литература». Напомним также, что свои литературно-критические материалы он постоянно публиковал в «Литературной газете», в журналах «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Литературная учёба», «Новый мир», «Дружба народов», «Простор», «Литературный Киргизстан», даже «Искусство кино», «Советская музыка» и других.

Суждения Ч. Айтматова о критике не имеют целостного оформления. Они содержатся во многих его выступлениях, главным образом в диалогах с критиками, но, собранные воедино, дают достаточно целостное представление о взглядах Ч. Айтматова на литературную критику. Обратимся к анализу литературно-критического материала, взяв точкой отсчёта диалог писателя с немецким критиком Хейнцем Плавивусом, сотрудником литературно-критического журнала «Веймарер байтрете», опубликованный под заголовком «Человек и мир. Семидесятые годы» (1978).

Когда речь зашла об общественном резонансе произведений искусства, о борьбе мнений вокруг них, Х. Плавивус вспомнил дискуссию о повести «Белый пароход» на страницах «Литературной газеты» в 1970 г. «Эта дискуссия встретила у нас горячий отклик как пример профессионального делового обсуждения, участники которого относились друг к другу с пониманием и уважением, – констатировал критик и высказал оригинальную мысль. – Мне кажется, что, когда в произведении искусства хотят установить единое непререкаемое мнение, это противоречит самой сути искусства» (1, VII, 115). Ч. Айтматов, в принципе, согласился с этим суждением: «Дискуссии, столкновения различных взглядов – естественное условие развития искусства», – и подчеркнул пагубность нарушения этого условия: «Когда же произведение оказывается за чертой критических схваток, приобретает репутацию бесспорного, даже эталонного, то оно постепенно становится музейным экспонатом. Такая канонизация пойдёт во вред даже самому гениальному произведению» (1, VII, 115).

– Я хотел бы Вас спросить о Вашем отношении к критике вообще, – поинтересовался критик и получил откровенный ответ писателя:

– Прежде мое отношение было почти спокойным. Это, очевидно, определялось и уровнем попадавшей мне критики, где господствовала обзорность и поверхностная оценочность. Сегодня, когда я стал старше и взрослее, чтение серьёзных работ по критике стало для меня необходимостью, работ, в которых глубокий анализ сочетается с серьёзными обобщениями, в которых говорится не только об отдельных произведениях, но и о процессе и тенденциях. Такие работы заставляют меня думать» (1, VII, 115–116. Здесь и далее курсив в цитатах из Ч. Айтматова наш. – Г.Х., А.Н.).

В качестве аргумента Ч. Айтматов приводит показательный пример. Когда он писал повесть «Лицом к лицу», у него был небольшой писательский и малый жизненный опыт. А недавно, почти двадцать лет спустя, появилась повесть Валентина Распутина с похожим сюжетом. «Если бы я сегодня взялся за этот же сюжет, то решал бы его совсем по-иному, – утверждает Ч. Айтматов. – За минувшие с тех пор годы я многое научился понимать. Причем не без помощи литературоведения и критики. Она даёт пищу для таких мыслей и рассуждений, которые позволили бы мне написать эту повесть сильнее» (1, VII, 116).

В диалоге с армянским критиком Геворгом Атряном, сотрудником журнала «Гарун» («... И слово это – вместо души моей», 1982), Ч. Айтматов вновь возвращается к мысли о благотворном воздействии критики на писателя:

«Критика – это великое благо для художника. Ведь если бы не было ощущения того, что рядом с тобой есть единомышленник или же, наоборот, критически настроенный человек, – суть не в отношении к тебе: в конечном счёте и тот, и другой тебе скажут необходимые и нужные слова, – то было бы очень и очень одиноко. И речь тут идёт не только о людях, стоящих с тобой на одной идеологической платформе, но и о прогрессивных, мыслящих широко и объективно критиках зарубежных стран». Конкретный пример: Ч. Айтматову прислали из ФРГ огромный пакет, в котором было около 50 статей, рецензий, заметок, откликов на роман «И дольше века длится день», переведённых в издательстве «Бальтерсман». «Что думает западногерманская критика о романе, как его оценивает? – вопрошает Ч. Айтматов и отвечает: – Это не просто интересно, это очень важно знать мне как художнику» (1, VII, 151).

– А какие проблемы Вам кажутся наиболее актуальными в современной критике? – задал вопрос собеседник.

– Мне кажется, что есть изначальная, главная проблема, которая актуальна всегда, – ответил Ч. Айтматов и сформулировал её. – Надо продолжать размышлять о том, насколько в современной литературе удаётся воссоздать человеческую личность, – после чего пояснил: – При этом речь должна идти о таком герое, образ действий которого не только бы соответствовал тому, что мы наблюдаем в действительности, – личность эта должна также

оказывать благотворное воздействие на развитие как критической, так и художественной мысли в целом. Задача современного художника заключается в том, чтобы создавать новые образы, новые типы. — Отсюда вывод: — Именно анализ этих художественных типов обогащает и развивает критическую мысль» (1, VII, 152).

Обращают на себя внимание суждения Ч. Айтматова о критике, высказанные в статье «Закон всемирного тяготения» (1981), опубликованной в «Литературной газете» и положившей начало рубрике «Литература — жизнь моя», в которой публиковались писательские выступления. Ч. Айтматов как писатель, не обиженный критикой, решил сказать о ней «несколько нелицеприятных слов», ибо «критика — часть литературы, а стало быть, тоже моя жизнь» (1, VII, 452).

1. «... Не могу согласиться с мнением, что нынешняя текущая критика якобы "обогнала" литературу, что она "интереснее". Вообще не очень понятно, как такое возможно, ведь <...> критика всё же производна от художественной "наличности"» (1, VIII, 432).

2. «А вот когда критика явно отстаёт — бывает. И нередко. <...> Читатели спорят, горячо обсуждают» — «а критика как воды в рот набрала». <...> Такая фигура умолчания отнюдь не на пользу самой критике» (1, VIII, 432).

3. «Плохо, когда обругана талантливая вещь. Ну, да она выстоит: за битого, как говорится, двух небитых дают» (1, VIII, 432).

4. «Хуже, когда в силу разных обстоятельств бездарное сочинение поднимается на щит, выдаётся за эталон...» (1, VIII, 432).

Последние две «беда» критики Ч. Айтматов объясняет одной причиной — размытием критериев оценки, искажением представления о подлинности художественной литературы.

В диалоге с критиком Н. Анастасьевым («Как слово наше отзовётся», 1986) собеседники вышли на разговор о критике, говоря о взаимоотношениях писателя и читателя. «Как Вы полагаете, критика играет в этом процессе какую-нибудь роль? Да и нужна ли вообще литературная критика?», — спросил критик, пояснив, что последний вопрос далеко не риторичен, и сослался на выступление поэта Сергея Михалкова в «Литературной газете», в котором он заявил: «... Лучшие критики — это сами писатели, потому что критики-профессионалы либо норовят уязвить побольнее, либо попадают в плен групповых пристрастий, и потому объективного суждения от них ждать заведомо не приходится» (1, VII, 264). Ответ Ч. Айтматова был достойным и заслуживает того, чтобы привести его полностью.

— Разве есть необходимость доказывать, что критика — самостоятельный род творческой деятельности. Она идёт бок о бок с литературой, с сочинительством. Это неизбежные спутники. И я лично чувствовал бы себя очень худо, просто пустоту в душе ощутил, если бы, предположим, «Плаха» не вызвала никаких критических откликов. Критика может утверждать. Может развенчивать. Понятно, когда хвалят, приятно, когда ругают — досадно. Но и к этому нужно относиться с достоинством, конечно, если сама критика, что называется, на уровне. Потому что ведь и у неё есть свои проблемы. Есть критика, которая пропагандирует массовую культуру. Это одно. Есть критика, имеющая дело с истинной литературой. Это другое. Впрочем, и эта последняя не монолит. Одни задумываются об общечеловеческих ценностях. Другие ищут в культуре прежде всего национальный дух. Но так или иначе существование критики — совершенно необходимое условие существования художественной литературы, её движения» (1, VII, 264—265).

Кстати, в этом же диалоге Ч. Айтматов высказал любопытное суждение относительно сравнительного анализа в критике. Когда речь зашла о повести Хемингуэя «Старик и море», писатель перевёл разговор в неожиданное русло.

«— Да, повесть, конечно, замечательная. Только, извините, ваши коллеги-критики немало сделала, чтобы испортить мне впечатление от неё.

— В самом деле? Как же это нам удалось?

— А «Старика и море» всё время сравнивают с моим «Пегим псом...». То есть, конечно, наоборот. «Пегого пса...» со «Стариком и морем».

— И что же в этом плохого?

— Видите ли, я очень люблю «Пегого пса...». Может, это вообще любимая из написанных мною книг. До сих пор помню, с каким удовольствием, как легко она писалась. Наверное, поэтому и сопротивляюсь внутренне всяким сравнениям, будь это даже сам Хемингуэй» (1, VII, 266—267).

В постсоветское время, когда произошла смена социальных эпох, Ч. Айтматов, естественно, оказался в новой общественной и творческой ситуации, о которой можно судить по диалогу писателя с критиком Л. Докторовой (1997).

«Вот Вы интересуетесь моим творчеством, а я сам не знаю, что мне делать, – искренне признался Ч. Айтматов. – Я переживаю сейчас в моей творческой жизни очень трудный критический момент» (1, VII, 324).

До этого Ч. Айтматов был постоянно окружён вниманием критики и с нетерпением ждал её, публикуя очередное произведение. Так было, например, с «Плахой»: «После завершения публикации я ожидаю серьёзного литературно-критического, если хотите, философского разговора» (1, VIII, 24). Так было и с другими произведениями. Отсюда понятно глубокое огорчение писателя в связи с неожиданным и необъяснимым замалчиванием романа «Тавро Кассандры» в русской критике. «Правда, сейчас я главным образом получаю отклики от европейских читателей – немецких, итальянских, французских, – констатировал писатель, но тут же признался: – Я ожидал, что русская литературная критика мой роман поддержит или, во всяком случае, предложит читателю обратить на него внимание. Этого не случилось» (1, VII, 327).

Говоря о своём творческом кризисе, Ч. Айтматов называет его внутренние и внешние причины:

«Для меня главный вопрос состоит в том, о чём сейчас мы, писатели, хотим сказать себе. Литература – это рассказ человека о человеке. Этот рассказ бесконечен. Пока будет существовать человек, всё время он будет говорить о себе.

И вот в этом плане многие писатели и я в том числе, которые нашли свой путь, своё место в литературе в советскую эпоху, оказались в трудном положении. Нам никто не мешает. Мне лично никто не мешает. Наоборот: мне дана полная свобода. Но в то же время эта свобода обратилась пустотой. О чём нам теперь говорить?» (1, VII, 324–325).

Что касается внешних причин творческого кризиса, то Ч. Айтматов увязывает их с неудержимым ростом массовой литературы. «Если вы посмотрите на прилавки магазинов, то увидите, что всё, что называется массовой литературой, занимает на них ведущее положение. Сейчас даже появилась целая полоса в “Литературной газете” – “Массовая литература”. Там приводятся буквально десятки рецензий с фотографиями обложек этих книг. Все они построены по одной и той же схеме и ставят себе одну задачу – завлечь читателя» (1, VII, 325).

Ч. Айтматов, как опытный критик, даёт блестящую характеристику современной массовой литературе и её критическую оценку. «В этих произведениях речь идёт о трёх вещах: страхе, голоде и любви, точнее, размножении. Таковы три начала, которые снова и снова переписываются в любых сюжетных вариантах. Да, это так, человек существует для этого. Но культура существовала и существует для того, чтобы уйти от этого как можно дальше и приблизиться к тому, что в религии называется Божественным началом. Я это понимаю как приближение к культурным и духовным ценностям, которые человека совершенствовали бы. Массовая литература его не совершенствует. Забавляя его, развлекая его, она его оставляет таким, каков он есть» (1, VII, 325–326).

В диалоге был затронут и вопрос о критике.

« – А для Вас важна литературная критика?

– Конечно. Сейчас литературная критика – большая сила. Здесь тоже произошла метаморфоза. Я понимаю, что ныне другое мышление, что у критики другие цели и другие задачи. Но нацеливать литературу на те произведения, которые под видом психологизма уводят читателя в дебри подсознания, как сейчас стало модно, как-то странно. Конечно, этих критиков никто не остановит, никто ничего не запретит...

– Вы имеете в виду русскую критику или европейскую?

– Русскую. С западной я недостаточно знаком. Но русская критика отражает то, что происходит на западе. Мне кажется, что при всей свободе и демократии каждый человек должен говорить о себе: я свободен, но отвечаю за эту свободу. <...> Разве может писатель изображать жизнь как угодно? <...> Отзывы тех критиков, с которыми я чувствую взаимопонимание, очень важны, потому что обмен мнениями с ними как бы нас взаимодополняет» (1, VII, 327–328).

Завершая наш беглый обзор суждений Ч. Айтматова о его литературно-критических взглядах, мы обращаем внимание на то, что об Айтматове-критике уже давно говорят

сами критики. В качестве наглядного примера приводим отзыв критика Н. Анастасьева, обнаруженный нами в диалоге «Как слово наше отзовется» (1986):

«... Я читал интервью, статьи, публичные выступления, собранные в 3-ем томе Ваших сочинений, не вполне бескорыстно, пытаюсь найти в них опору для собственных взглядов на развитие художественной культуры в XIX веке. Так или иначе, мне показалось, что, рассуждая на самые разнообразные темы, Вы всё время имеете в виду мировую литературу как процесс, в котором всё взаимосвязано, в котором различные направления, а также индивидуальные писательские судьбы вступают в диалог, какие бы формы он ни принимал от взаимного притяжения до взаимного отталкивания. <...> Словом, если использовать ваше собственное выражение, – “собор всемирной литературы”» (1, VII, 249–250).

К сказанному – теперь уже в контексте постановки темы «Писательская критика Ч. Айтматова» – добавим ряд существенных моментов. Проблематика писательской критики Ч. Айтматова весьма обширна. Акцентируем внимание на основных проблемах: традиции и новаторство в литературе, реализм как творческий метод, мифотворческое мышление писателя, трагическое в искусстве, массовая литература, билингвизм в литературном творчестве, читательское восприятие литературы, экранизация литературных произведений.

Жанровые формы писательской критики Ч. Айтматова весьма разнообразны: рецензии, обозрения, статьи, эссе, портреты, очерки, даже некрологи. Язык писательской критики Ч. Айтматова художественно образен, эмоционален и ярко. Приведём несколько примеров, взятых из литературно-критических работ разных лет.

«Рассказ – та капля, без которой не может быть океана».

«У меня возникает такое ощущение, что пора приступить к бурению новых “скважин” на полях деревенской темы, ибо в старых скважинах добыча вроде бы подходит к концу».

«Набоков и другие имена, возвращённые читателю, – всё это колосья одного снопа. Снопа русской литературы».

«Лихая година» [повесть М. Ауэзова] – один из первых мощных притоков, породивших впоследствии половецкие ауэзовские эпопеи [романы «Абай» и «Путь Абая»].

«С виду это повести [Ролана Быкова] – как солдаты, одетые в серые шинели. Они идут сурово, сомкнутым строем, как солдаты, эти быковские повести».

«Сорвалась нога поэта со стремени жизни [о смерти А. Твардовского]. Побегал его конь без седока. <...> Тяжко смотреть на дорогу, по которой удаляется конь без седока. Слезы мешают...».

На наш взгляд, практическая цель изучения писательской критики Ч. Айтматова – создание сборника «Чингиз Айтматов о литературе» (шире – «Чингиз Айтматов о литературе и искусстве»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч. Полн. собр. соч.: В 8 т. – Алматы, 2008. – Т. VII. Диалоги. Рассказы. – Т. VIII. Статьи. Эссе. Выступления.
2. Айтматов Ч. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1988. – Т. 7. Статьи. Выступления. Эссе.
3. Айтматов Ч. Собр. соч.: В 3 т. – М.: Молодая гвардия, 1984. – Т. 3. Рассказы. Очерки. Публицистика.
4. Всплеск улетающей стаи: Чингиз Айтматов. Статьи, интервью, диалоги; О творчестве Ч. Айтматова: Статьи и эссе. 1988–2003. – М.: Прогресс, 2003.
5. Айтматов Ч., Икэда Д. Ода величию духа: Диалоги. – М.: Прогресс, 1994.
6. Айтматов Ч. Если по совести: Сб. статей. – М.: Худож. лит., 1988.
7. Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – М.: Изд-во Агентство печати Новости, 1988.
8. Айтматов Ч. В соавторстве с землёю и водою...: Очерки, статьи, беседы, интервью. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978.

